

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Н. В. Исаева

Гендерная идентичность как фактор обеспечения прав человека

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Isaeva_gender.pdf

Перепечатка с сайта центра «Стратегия»
<http://strategy-spb.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

Н. В. Исаева

Гендерная идентичность как фактор обеспечения прав человека

В свете обсуждения проблем идентичности хотелось бы обратить внимание на ряд аспектов, связанных с изменением социальных ролей женщин и мужчин в современном мире, их юридическом закреплении и обеспечении.

Не ставлю своей задачей уяснение либо споры по поводу гендерной терминологии. На этот счет существует уже значительная литература. В нашей стране гендерными исследованиями в последнее десятилетие довольно плодотворно занимаются философы, социологи, историки, филологи, лингвисты. Разработан и освоен понятийный аппарат, гендерные методики по отраслям знаний. В основном гендерные исследования идут в русле изучения женского движения, проблем женского участия в общественной, политической жизни, занятости, сочетания трудовых и семейных обязанностей.

Интерес не случаен, поскольку «государственный феминизм» советского периода имел своим последствием активизацию женского движения в России в последнее десятилетие XX в. Под названным термином понимается государственная политика в отношении женщин, характеризующаяся, во-первых, полным контролем над женской активностью в трудовых, общественных и, нередко, в семейных отношениях (весьма показателен как образчик огосударствления женщины выходивший в СССР в 1930-е годы журнал «Общественница»); во-вторых, формально-юридическим уравниванием женщины с мужчиной путем закрепления в Конституции; в-третьих, предоставлением через законодательство определенных льгот, прежде всего, в трудовой и

социальной сфере, которые обусловлены репродуктивной функцией женщины; в-четвертых, провозглашением равенства прав, но не равенства возможностей, поскольку известно, что существовали разnarядки продвижения по партийной, служебной лестнице не только по классовому, но и половому признаку. Ликвидация последних обусловила, в частности, то факт, что женское участие, особенно в политической сфере заметно сократилось.

Однако в 1990-е г.г. изменилось не только количественное, но и качественное участие женщин и мужчин во всех сферах жизни общества. В связи с освоением профессий и видов деятельности, не традиционных с точки зрения сложившихся представлений о мужском и женском, меняются их социальные роли.

Рыночные отношения, конкуренция, в том числе в сфере занятости, привели к тому, что, с одной стороны, появились весьма успешные бизнес-леди, вполне способные обеспечить семью, с другой – мало, по сравнению с женой, зарабатывающие либо безработные мужчины, которые вынуждены оставаться дома. К сожалению, часть из них предпочли истинно «мужское» занятие – пьянство. Очевидно это своеобразная реакция на те же изменения. Процесс новой социализации мужчины проходил и проходит более болезненно. По-видимому, женщины с меньшими психологическими издержками преодолели первый этап вхождения России в капитализм, быстрее адаптировались в изменившейся ситуации.

Включение мужчин и женщин, согласно стереотипному мышлению, в «несвойственную» им социальную среду: женщин – в бизнес и политику, мужчин – в семейно-домашнюю жизнь, требует глубокого и серьезного исследования, в том числе в рамках проблемы идентичности. О новых направлениях социализации женщин говорят и пишут довольно активно. И тема того заслуживает. А об изменении социальной роли мужчины мало и как-то робко. В юридической науке эти проблемы практически не исследованы.

Однако мужчины уже осваивают традиционно признаваемую «женской» сферу (воспитание детей, ведение домашнего хозяйства), т.е. выполняют функции домохозяек. Для них пока даже адекватного термина нет, т.к. слово домохозяин несет другую нагрузку (глава, кормилец и проч.). В сфере родительских прав и семейных отношений для мужчины образцом (стандартом) становится социальный статус женщины. Поэтому обеспечение равных прав отца (мужа) на участие в воспитании детей и

несение им равных семейных обязанностей должно ориентироваться на тот уже существующий позитивный опыт, который обеспечивал для женщины ее роль родителя (супруги).

В контексте гендерной идентичности и прав человека представляется необходимым выделить несколько важных, с нашей точки зрения, аспектов. Прежде всего, поднимая вопрос об идентичности, следует говорить не о полном сходстве, а о частичном, связанном с социальным контекстом, предполагающем подвижность идентичности. Кроме того, следует учитывать факторы, оказывающие влияние на формирование идентичности. Для мужчины в данном случае важно осознание своего нового положения, психологическая готовность к иной роли в семейных отношениях. В немалой степени конструктивность этого процесса зависит от общественного мнения, преодоления стереотипа, что мужчина должен зарабатывать, а не сидеть дома, т.е. нести основную или наравне с женщиной нагрузку по семейным обязанностям. Не секрет, что многие мужчины стесняются своего нового положения.

Существуют и определенные стереотипы отношения к семьям с одним родителем (монородительские семьи). Женщина, в одиночку воспитывающая ребенка (детей), воспринимается как нечто обыденное, привычное, порой даже раздражающее наличием у нее «особых» прав (социальных льгот). В то время как мужчина, оказавшийся в такой же ситуации, вызывает более широкий спектр общественных эмоций: от восхищения до жалости; не исключена настороженность – а справиться ли он с воспитанием детей. Не в последнюю очередь эта настороженность влияет на решение судей при разводе оставить ребенка с матерью.

Не только общество, но и государство не готово обеспечить в полном объеме новую социальную роль мужчины-отца, прежде всего, правовыми средствами. Даже в Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. законодатель, закрепив в качестве одной из основ конституционного строя, что в России «обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства» (ч. 2 ст. 7), в следующей, второй главе о правах и свободах человека и гражданина (ч. 1 ст. 38) «забыл», что не только «материнство и детство, семья находятся под защитой государства», но и отцовство. Этот (не)правовой гендерный стереотип весьма показателен: он характеризует непоследовательность государства в гендерной политике, а точнее ее отсутствие в системе права России. Более того, данный пробел привел к тому, что отраслевое законодательство, за редким исключением в семейном и трудовом

кодексе, фактически не содержит норм, позволяющих мужчине защитить свои родительские права.

Равное право женщин и мужчин не должно ограничиваться формальным равенством, но включать целенаправленное, последовательное и своевременное обеспечение равенства возможностей лицам обоего пола путем законодательного закрепления меняющейся социальной действительности. Закон должен создавать социально комфортные условия и для женщины и для мужчины, независимо от вида деятельности и жизненных обстоятельств.

Редко кто сейчас оспаривает введение понятия «права человека женщины», что оправданно с разных точек зрения, прежде всего, исходя из социального, исторического и юридического опыта закрепления прав личности. Принято считать, что использование в юриспруденции нормативно-универсальных категорий в мужском роде обусловлено правовой традицией. Противники гендерного подхода в праве уверяют, что абстрактность понятий «человек», «гражданин» как раз и служит гарантией равенства. Однако практика показывает, что андроцентризм законодательства, гендерные стереотипы, отсутствие гендерной оценки норм, гендерно маркированных категорий не исключает правовой дискриминации ни женщин, ни мужчин.

Стереотипное представление о правах женщин как совокупности льгот, обусловленных физиологическими особенностями пола и репродуктивной функцией, в условиях игнорирования принципа гендерного равенства ведет к умалению равных возможностей мужчин, оказавшихся в одинаковых социальных условиях в трудовых, семейных и иных отношениях. Так, в семейном праве законодатель закрепил за матерью право вернуться на работу сразу после рождения ребенка, предоставив отцу (другому лицу, состоящему в родстве) реализовать отпуск по уходу за ребенком до трех лет, учитывая также случаи воспитания ребенка одним отцом в случае смерти матери либо отказа ее от ребенка. Однако в других отраслях юридически изменившаяся социальная роль отца не обеспечена такими же правами, как у матери.

Следует сказать, что подвижки в позитивную сторону все же у нас есть. Речь идет о Трудовом кодексе РФ (от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ), нормы которого в процессе разработки подвергались гендерной экспертизе. В результате принципиально изменен подход к предоставлению льгот и социальных гарантий, обусловленных наличием у работника детей, а также лиц, нуждающихся в уходе. Законодатель

отказался от отнесения к таким работникам только женщин и включил в их число матерей и отцов, родителей (родителя), супругов (супруга), опекунов (см., например, ст. 96 «Работа в ночное время» ТК РФ). Все они объединены общим признаком – участие в воспитании детей. В гендерной историографии названные категории работников отнесены к лицам с родительскими обязанностями. Это понятие может стать универсальным в свете обсуждаемой нами проблемы. Его использование возможно применительно к правоотношениям других отраслей.

В рамках небольшой статьи невозможно охватить все российское законодательство. Хотелось бы обратить внимание на некоторые моменты, выявленные в ходе правозащитной деятельности автора. Речь пойдет о нормах уголовного права, где мужчина-отец более всего дискриминируется, несмотря на то, что в Уголовном кодексе РФ (от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ) в ст. 136 дается понятие дискриминации как нарушения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, в том числе в зависимости от пола, и предусматриваются соответствующие виды уголовного наказания.

Рассмотрим случай, произошедший в Ивановской области. Мужчина 26 лет, назовем его Н., один воспитывает ребенка полутора лет, поскольку мама бросила его через 8 месяцев после рождения, ушла от мужа и живет с другим. Н. занимает престижную должность, неплохо зарабатывает, нанял для сына квалифицированную няню, души в нем не чает, проводит с ним все свободное время. Однажды он не возвращается домой, поскольку его и нескольких сотрудников его фирмы арестовали прямо на работе. Впоследствии Н. был признан невиновным и выпущен из зала суда, но произошло это почти через полгода. За это время его квартира подверглась нападению. Няня ушла, не предупредив, оставив ребенка соседям «на минуточку».

Опасаясь за безопасность сына, Н. просил поместить его с собой, разъяснив семейную ситуацию. (Кстати мать ребенка, которую разыскали, к тому времени вновь беременная от гражданского мужа, отказалась принимать участие в судьбе сына). Однако Н. было отказано, поскольку ст. 30 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления» от 15 июля 1995 г. (№ 103-ФЗ, в ред. от 30.06.2003) предусматривает такую особенность только при содержании под стражей женщин.

Почему законодатели лишили отца, воспитывающего ребенка без матери, возможности заботиться о своем сыне? Почему они

проигнорировали конституционное установление, что «забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей» (ч. 2 ст. 38)? Почему, наконец, стереотипная зашоренность не позволила законодателю увидеть, что право ребенка на безопасность и родительскую заботу также нарушается?

Ситуация могла разрешиться безболезненно, если бы в ст. 30 комментируемого Федерального закона было использовано понятие лиц с родительскими обязанностями. Уместно предложить новую редакцию данной статьи. Прежде всего, изменить название с «Особенности содержания под стражей женщин» на «Особенности содержания под стражей беременных женщин и лиц с родительскими обязанностями». Не стоит думать, что таких будет много. Далеко не каждый (не каждая женщина даже сейчас) воспользуется правом иметь при себе ребенка в возрасте до трех лет, находясь под стражей, но у них должна быть возможность выбора.

В структуре статьи, определяя субъектов правоотношений, следует учесть опыт создания ТК РФ, перечислив всех лиц, воспитывающих детей до трех лет, в отношении которых могут применяться особые условия содержания, выражающиеся в создании улучшенных материально-бытовых условий, организации специального медицинского обслуживания, установления повышенной нормы питания, не допущении ограничения ежедневных прогулок, водворения в карцер.

Конечно, можно было бы вообще обойтись без этой статьи, за исключением части о беременных, если бы в России была развита как, например, в США социальная патронажная служба, берущая на себя заботу о детях и их правах в особых ситуациях. Однако наши социальные службы, в данном случае органы опеки и попечительства, не могут оперативно реагировать на такие проблемы, поскольку не обеспечены в достаточной степени ни материально-финансовыми, ни кадровыми ресурсами.

Другой пример: ст. 82 УК РФ, предусматривает отсрочку отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до четырнадцати лет в зависимости от срока и тяжести совершенного преступления. Как видим, ситуация та же самая. Стереотипное мышление заставляет законодателя считать, что присутствие матери более необходимо, чем отца. Почему опять забыли о ребенке, который лишен права на воспитание обоими родителями? Речь не идет о тех, кто уклоняется от осуществления родительских

обязанностей. Даже сейчас частью 2 названной статьи в отношении осужденных женщин, отказавшихся от ребенка или уклоняющихся от его воспитания, отменяют отсрочку отбывания наказания. Каково положение детей, оказавшихся без попечения родителей, всем известно. Социальное сиротство стало позором российского общества последнего десятилетия. Так почему не дать детям шанс жить с обоими родителями либо с одним, независимо от того, кто остался с ребенком – мать или отец?

Уголовно-исполнительный кодекс РФ от 8 января 1997 г. (№ 2-ФЗ) также игнорирует родительские права мужчины (отца). Согласно ч. 2 ст. 97 УИК РФ только осужденным женщинам предоставляется возможность краткосрочного выезда (до семи дней) за пределы исправительного учреждения для устройства детей, находящихся в домах ребенка исправительных колоний, у родственников или в детском доме, а также для встречи с несовершеннолетним ребенком-инвалидом. Причем в первом случае не оговаривается, родился ли ребенок в колонии или следует за матерью с момента задержания.

Кто дал право законодателю думать, что априори отец безразличен к судьбе ребенка-инвалида, а последний не нуждается во встрече с ним? Всем известно, что далеко не всегда в колонии и тюрьмы попадают лишь лица, представляющие особую опасность для общества. Таковые, как правило, сидят за преступления, не подпадающие под действие вышеназванных норм даже, если это женщины.

Сложившееся положение ведет не только к дискриминации мужчины, но и к разрыву семейно-родительских связей, в результате чего, в первую очередь, страдают дети. Не может служить оправданием, что государство сейчас не располагает необходимыми средствами для разрешения названных проблем. Необходимая инфраструктура уже создана, поскольку вышеназванные права предоставляются женщинам, процедуры контроля также отработаны.

Необходимо совсем другое: целенаправленная, конструктивная гендерная политика государства. К сожалению, сейчас действия государства в этом направлении весьма хаотичны, непоследовательны и вновь окрашены в феминистские тона. Это отразилось, в частности, на разработанной Министерством труда и социального развития РФ (так эта структура в Правительстве называлась в 2002 г.) Гендерной стратегии Российской Федерации, которая была представлена на международной научно-практической конференции, проходившей в Иванове летом того же года, доктором социологических наук, профессором Г.Н. Кареловой,

впоследствии возглавившей названное Министерство. Известный стереотип проявился и в названии одного из комитетов Государственной Думы Федерального Собрания РФ, пытающегося через орган государственной власти решать названные проблемы: Комитет по вопросам семьи, женщин и молодежи. К сожалению, существенного влияния в силу своей малочисленности (менее десяти человек) на законодательный процесс он оказать не может, несмотря на сочувствие ряда депутатов из других комитетов. Тем не менее, надо отдать должное этим депутатам, поскольку они, несмотря на сопротивление, пытаются пробить стену гендерного непонимания.

Никто не спорит, что необходимо улучшать положение женщины, но эта работа должна осуществляться в системе мер по обеспечению гендерного равенства, что предполагает деятельность в интересах и женщин и мужчин. В России уже есть определенный опыт в этом направлении, но он связан, прежде всего, с работой неправительственных общественных организаций.

Возможно, первым шагом в сторону правового обеспечения принципа гендерного равенства мог бы стать разработанный названным комитетом проект Федерального закона «О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин в Российской Федерации», который более года назад вносился депутатами В.В. Володиным, Е.Ф. Лаховой, О.В. Морозовым, Г.И. Райковым, но был отклонен большинством Думы.

Трудно в данной ситуации предполагать, что думцы оперативно внесут необходимые изменения в действующее законодательство, чтобы устранить нормы, дискриминирующие мужчин, поскольку подавляющее большинство депутатов просто не видят проблемы. Ведь еще в 1997 г. Дума приняла Концепцию законотворческой деятельности по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин, однако, с тех пор мало что изменилось.

Между тем, уже сейчас возможно предпринять шаги в сторону разрешения проблемы. Речь идет о так называемом применении права по аналогии в праве. В данном случае представляется обоснованным ввести понятие гендерной аналогии права и применять нормы, обеспечивающие права женщины, связанные с ее родительскими обязанностями, в отношении мужчин, оказавшихся в аналогичной ситуации. При этом оправданием всегда может быть ссылка на ч. 3 ст. 19 Конституции РФ: «Мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные

возможности для их реализации». По большому счету дело не в терминах, а в политике государства, которая не должна ограничиваться констатацией права, свободы, а создавать действенные механизмы их обеспечения, чтобы у нас в России люди чувствовали себя достойными, свободными и защищенными.